

УДК 316.4.051.63

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-35-43

ГОТОВНОСТЬ К ВОЗРАСТНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ В СТАРОСТИ

Зинина А.А.*Московский гуманитарный университет**111395 г. Москва, ул. Юности, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, в котором выявлена взаимосвязь между готовностью к освоению возрастно-временных изменений и социальными представлениями о психологическом благополучии в старости (N=120, 47 муж., 73 жен., средний возраст – 24 года). В работе доказано, что респонденты плохо представляют будущие личностно-психологические преобразования, обеспокоены потерей внешней привлекательности и социальной активности. Ответственность за психологическое благополучие в старости они приписывают личностным особенностям престарелых людей. В рисунках респонденты обычно изображают идеализированные, оторванные от реальности образы.

Ключевые слова: престарелые люди, социальные представления, межпоколенное взаимодействие, готовность к освоению возрастных изменений, психологическое благополучие.

READINESS FOR AGE CHANGES AS A FACTOR OF CONSTRUCTING SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT PSYCHOLOGICAL WELLBEING AT AN OLD AGE

A. Zinina*Moscow University for the Humanities**5, Yunosti str., Moscow, 111395, the Russian Federation*

Abstract. The paper presents the results of empirical study where the relationship between readiness to develop age-temporal changes and social representations about psychological wellbeing of aged people (N-120: 47 male, 73 female; mean age - 24) is revealed. The research proves that the respondents have a poor understanding of the future psychological changes and are more concerned about the loss of visual appeal and social activity. They attribute responsibility for psychological wellbeing at an old age to personal characteristics of elderly people. Respondents usually depict rather idealized, unrealistic images in their drawings.

Key words: elderly people, social representations, intergenerational interaction, readiness for age-related changes, psychological well-being.

© Зинина А.А., 2016.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект «Люди престарелого возраста в быденном сознании студенческой молодежи и работающих взрослых: факторы ответственности», № 14-06-00434).

В настоящее время в России, как и в остальном мире, увеличивается процент лиц пожилого и престарелого возраста. По прогнозам ВОЗ, к 2100 году число лиц в возрасте старше 60 лет увеличится более чем в три раза [1]. Вопросы старения также рассматриваются ООН, при этом особое внимание уделяется проблемам социальной политики, попыткам определить положение престарелого человека в обществе, а также борьбе с негативными геронтологическими стереотипами и с эйджизмом [2; 3].

Впрочем, считать, что заданный вектор успешно реализуется в современном мире, ошибочно: зачастую представители «третьего» возраста сталкиваются с многочисленными проблемами. Так, например, по статистике старость оказывается третьей по частоте опасностью (после депрессии и наркотической зависимости), влияющей на развитие суицидальных наклонностей [17, с. 234]. Кроме того, в обществе широко распространена дискриминация по возрасту, или эйджизм (например, трудовая дискриминация [4]). По мнению Р. Батлера, эйджизм является резко негативным взглядом на человека, основанным на предрасудках о его возрасте. Престарелые люди в наибольшей степени сталкиваются с проявлениями эйджизма, что оценивается как следствие глубокого затаенного страха беспомощности, инвалидности, безнадёжности и смерти [8, с. 60]. Распространению эйджизма способствуют негативные геронтологические стереотипы и предубеждения [21, с. 234], воздействующий потенциал СМИ, пуэрилистическое сознание и моральная эксклюзия [13, с. 11]. Вместе с этим межпоколенное взаимодей-

ствие лишается ценностной основы [14, с. 227; 19, с. 292], что приводит к усилению конфликтности и увеличению дистанции между различными поколенческими когортами.

Распространенность эйджизма также тесно связана с экономическими факторами. Так, например, престарелые люди воспринимаются в качестве «экономического балласта» [12, с. 54], «отжившего поколения», которое не способно приносить пользу обществу и находится на «иждивении» у государства [10, с. 78; 16, с. 13], при этом сами престарелые люди «чувствуют себя проигравшими», ненужными и обиженными [15, с. 52].

Возрастная дискриминация в общественном сознании воспринимается как нормативное явление [22, с. 51], а трансформационные преобразования социальной сферы, характерные для современной России [7, с. 193], способствуют ее распространению. Более того, геронтофобные тенденции и эйджизм глубоко укоренились в менталитете всего населения, включая самих представителей «третьего» возраста, причем проблема эйджизма практически не осознается ни субъектами, ни объектами дискриминации [9, с. 80]. Можно сказать, что престарелые люди сами поддерживают «право быть беспомощными и безынициативными», теряют самоуважение, веру в себя [5, с. 294], не могут самореализоваться и достичь психологического благополучия.

Особенно важно, что затронутая проблема имеет комплексный характер: с одной стороны, престарелые люди проецируют негативное общественное отношение на себя, с другой – представители других возрастных групп, культивируя страх перед позд-

ними этапами жизни, отрицают возможность собственного благополучия в старости. Возможно, поэтому зарубежные исследователи, работающие в рамках концепции социальных представлений С. Московичи, называют старость «парадоксальным экземпляром социальных представлений» [20, с. 15-18].

Сложившуюся ситуацию исследователи предлагают рассматривать через развитие межпоколенного взаимодействия, при котором представители разных возрастных когорт формируют толерантное отношение друг к другу [11, с. 3; 18]. В качестве основы такого взаимодействия Н.С. Глуханюк и Н.С. Гершкович выделяют готовность к освоению возрастно-временных изменений, под которой понимают интегральную характеристику, определяющую осознание личностью факта собственного старения, а также толерантного отношения к нему [6, с. 247]. На наш взгляд, именно отсутствие страха перед неизбежными изменениями старческого возраста способно стать основой для позитивного восприятия престарелых людей и старческого возраста в целом.

Эмпирическое исследование преследовало цель изучить взаимосвязь компонентов и уровней готовности к возрастным изменениям с социальным представлением (далее СП) о психологическом благополучии престарелых людей. Работа выполнялась в 2015 г. В общей сложности в исследовании приняли участие 120 человек (средний возраст – 24 года, 73 жен, 47 муж). Среди опрошенных 68,6 % на момент исследования имели престарелых родственников. В качестве методик были использованы: авторский

опросник для определения структуры СП о психологическом благополучии престарелых людей, методика «Готовность к освоению возрастно-временных изменений» (Н.С. Глуханюк, Н.С. Гершкович), а также рисуночный тест «Метафорическое изображение престарелого человека». Математическая обработка осуществлялась в программе «Statistica.10» с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

В результате исследования определена общая готовность к освоению возрастно-временных изменений: 48 % опрошенных имеют среднюю сформированность, у 38,5 % совершенно не выражена готовность, и лишь 13,5 % респондентов обладают хорошо развитой готовностью. Следовательно, молодые люди не в полной мере осознают естественность неизбежных проявлений старости.

Общая готовность к освоению возрастно-временных изменений реализуется на нескольких уровнях, которые отражают осознание предстоящих изменений (когнитивный уровень – далее КУ), толерантное отношение к ним (аффективный уровень – далее АУ), а также поиск адаптационных стратегий к таким изменениям (мотивационный уровень – далее МУ). Так, для КУ характерно следующее распределение: 42 % респондентов имеют низкую степень сформированности, 45 % – среднюю и лишь 13 % – высокую. Для АУ: у 8 % респондентов слабо сформирован уровень, у 66 % – среднее и у 26 % – хорошо. Для МУ: 22,5 % – низкая степень сформированности, 48,5 % – средняя, 29 % – высокая. Обобщая, можно сказать, что респонденты плохо представляют будущие изменения, но стараются относиться к ним толерантно, при

этом пассивно ищут адаптационные стратегии.

Кроме уровней, в структуре готовности выделяют несколько компонентов, которые очерчивают области проявления возрастных изменений: физиологический (далее ФК) – 13 % респондентов с низким уровнем развития, 81 % – со средним и 6 % – с высоким; личностно-психологический (далее ЛПК) – 14 % имеют низкий уровень, 81 % – средний и 5 % – высокий; социальный (далее СК) – у 17 % наблюдается низкий уровень, у 72 % – средний, у 11 % – высокий; профессиональный (далее ПК) – 12 % с низким и высоким показателем по уровню развития и 76 % – со средним. Таким образом, хуже всех в молодежной группе сформирован ЛПК, поэтому респонденты не могут спрогнозировать появление психологических изменений (например, ощущение «ненужности», «бесполезности»), стараются не думать об этом, следовательно, не пытаются приспособиться. Достаточно плохо сформированы ФК и СК: молодежь обеспокоена потерей внешней привлекательности, сексуальности, физической подвижности, а также не готова налаживать контакты с социальными службами, опасаясь ухудшения материального положения. Сравнительная развитость ПК свидетельствует о спокойном восприятии таких изменений, и может быть объяснена поиском иных способов самовыражения.

Для определения структуры СП подсчитывался коэффициент позитивных ответов – ТСП (Taux catégorique positif), предложенный Ж.-К. Абриком [7, с. 241]. В ядро представления входят элементы, связанные с личностными особенностями стариков (на-

пример, «Гармоничность отношений престарелого человека с окружающим миром зависит от личности человека» (коэффициент Абрика – 89), и «Психологически благополучный престарелый человек находится в гармонии с собой и с окружающим миром» (83)). Вместе с тем в обыденном сознании практически не представлен элемент «Большинство престарелых людей психологически благополучны» (16), что указывает на трудности в жизни престарелых людей. Приписывание ответственности за психологическое благополучие личностным особенностям престарелых людей в совокупности с недостаточно сформированным представлением о личностно-психологических изменениях старческого возраста, возможно, является основанием эйджизма. Также можно отметить, что молодежь не старается адаптироваться к возрастным изменениям (прежде всего социальным), потому что приписывает ответственность за плохое положение стариков им самим.

В ходе исследования обнаружены корреляционные связи элементов СП с компонентами и уровнями готовности. Так, КУ положительно коррелирует с элементом «Психологическое благополучие изменяется с возрастом ввиду пересмотра ценностей, изменения потребностей» ($r=0,21$, $p<0,05$). Можно сказать, что респонденты, которые хорошо осознают предстоящие возрастные изменения (люди с развитым КУ), видят в них позитивное основание, связывают эти изменения с психологическим благополучием. Кроме этого, наблюдается связь с элементом «Психологически благополучный престарелый человек легко поддерживает контакт с другими возрастными груп-

пами (молодежь, работающие взрослые)» ($r=0,30$, $p<0,05$). Важно отметить, что данный элемент также связан с ПК готовности ($r=0,27$, $p<0,05$). Опрошенные полагают, что в старческом возрасте благополучие достигается через поведенческую реализацию потребности в общении с окружающими.

АУ имеет отрицательную корреляционную связь со следующими элементами: «Молодежь часто не понимает, что нужно престарелому человеку» ($r=-0,27$, $p<0,05$), а также «Современное общество не готово видеть престарелых людей за какими-либо занятиями» ($r=-0,22$, $p<0,05$). Следовательно, респонденты с толерантным отношением к старости более четко представляют, что нужно престарелому человеку.

МУ связан с элементами: «Психологически благополучный престарелый человек находится в гармонии с собой и с окружающим миром» ($r=0,31$, $p<0,05$), «Психологически благополучный престарелый человек имеет цель и смысл жизни» ($r=0,24$, $p<0,05$). Последний элемент также связан с ЛПК ($r=0,23$, $p<0,05$). Таким образом, в сознании респондентов поиск адаптационных стратегий к возрастным изменениям связан с наличием цели, удовлетворенностью жизнью, а также с гармоничным отношением с окружающим миром. Можно сказать, что респонденты через личностный рост стараются приспособиться к старости.

В нашем исследовании СП о психологическом благополучии престарелых людей изучались не только на эксплицитном уровне – через анализ структуры и элементов представления, но и на имплицитном – через анализ метафор престарелого человека, полученных с помощью психологического

рисунка. В общей сложности выделено 12 метафор: 5 позитивных, 5 негативных и 2 нейтральные. В исследуемой группе выражены и негативные (35%), и позитивные (37%) метафоры. Тем не менее позитивные метафоры не соотносятся с реальностью в 68% случаев. Респонденты отмечают, что рисуют себя в старости или некоторый идеализированный образ престарелого человека. В это время респонденты с негативными метафорами отмечают, что престарелый человек вызывает жалость или безразличное отношение (показатель реален в 44% случаев).

Анализируя частоту встречаемости метафор на различных уровнях готовности можно обнаружить некоторые закономерности. Так, например, на низком КУ преобладает метафора «Престарелый человек, вызывающий жалость», «Подчеркнуто схематичное изображение старости и престарелого человека (неопределенность, неизвестность)» и «Старость = смерть». У респондентов с развитым АУ встречаются метафоры: «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек», «Счастливый престарелый человек в семейном кругу». Кроме того, у респондентов с толерантным отношением к старческому возрасту также определяется завуалированная боязнь наступления старости – представлена метафора «Боязнь престарелого человека и наступления старости». Для МУ определяются метафоры: «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек», «Старость с любимым человеком». Респонденты в рисунках утверждают, что престарелый человек не отличается от молодого.

Рассматривая компоненты готовности можно отметить связь между раз-

витым ФК, который основан на понимании внешних проявлений старения, и метафорами «Изображение престарелого человека через внешние атрибуты» и «Схематичное изображение старости и престарелого человека (неопределенность, неизвестность)». На низком уровне развития встречается метафора «Престарелый человек не отличается от молодого человека». У респондентов с развитым СК чаще остальных встречается метафора «Счастливым престарелым человеком в семейном кругу». На более низких уровнях определяются метафоры «Боязнь престарелого человека и наступления старости», «Одиноким престарелым человеком». Вместе с развитым ЛПК представлены метафоры: «Счастливым престарелым человеком в семейном кругу», «Довольный жизнью, умиротворенный престарелый человек», «Мудрый престарелый человек», «Злые престарелые люди». Несмотря на наличие негативных метафор, можно сказать, что ЛПК позволяет воспринимать престарелых людей через внутренние особенности, а не через социальное положение и др. На высоком уровне развития ПК связан с метафорами: «Одиноким престарелым человеком», «Боязнь престарелого человека и наступления старости». На низком уровне данный компонент соотносится с метафорами: «Престарелый человек, вызывающий жалость» и «Престарелый человек не отличается от молодого человека». Парадоксальная представленность противоположных метафор не позволяет судить о том, что обозначенный компонент готовности вносит значительный вклад в формирование общего благополучного восприятия престарелого человека и старости в целом.

В заключение сделаем выводы:

Исследуемая группа характеризуется средним уровнем развития готовности к освоению возрастно-временных изменений. Ее представители плохо осознают будущие преобразования, но стараются относиться к ним толерантно, при этом пассивно ищут адаптационные стратегии. Вместе с этим, молодежь не может спрогнозировать появление психологических изменений и обеспокоена проявлением физических аспектов старения.

В ходе исследования обнаружена устойчивая взаимосвязь между готовностью к освоению возрастно-временных изменений и СП о психологическом благополучии в старческом возрасте, выраженном на эксплицитном (анализ структуры и элементов СП) и имплицитном (анализ метафор) уровнях. В ядро СП включены элементы, приписывающие ответственность за психологическое благополучие самим престарелым людям и их личностным особенностям. Обнаружено, что содержание элементов СП и метафор престарелого человека соотносится с уровнями и компонентами готовности, а также выявлена тенденция, при которой с повышением уровня сформированности готовности увеличивается количество позитивных метафор.

Представление о собственной старости является важным элементом психологической жизни каждого человека, поэтому очень ценно вовремя осуществлять подготовку к освоению возрастных изменений. Это может стать не только основой для гармоничного развития личности в молодом возрасте, но и отправной точкой при формировании уважительного, толерантного отношения к представителям

престарелого возраста. Следовательно, налаживая межпоколенное взаимодействие, мы помогаем не только престарелым людям, но и молодым. Данный тезис еще раз доказывает культурную значимость поддержания межпоколенных связей для интеграции и здорового функционирования всего общества.

ИСТОЧНИКИ:

1. Всемирная Организация Здравоохранения [Официальный сайт] URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2015/older-persons-day/ru/> (дата обращения: 25.01.2016).
2. Всемирная Организация Здравоохранения [Официальный сайт] URL: http://www.who.int/ageing/about/fighting_stereotypes/ru/ (дата обращения: 25.01.2016).
3. Организация Объединенных Наций [Официальный сайт] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 25.01.2016).
4. Фонд общественное мнение [Официальный сайт] URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10868> (дата обращения: 25.01.2016).

ЛИТЕРАТУРА:

5. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М., 2006. 512 с.
6. Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Психологические механизмы формирования готовности к старению в процессе жизненного пути // Ученые записки кафедры теоретической и экспериментальной психологии РГППУ. Екатеринбург, 2006. С. 425–446.
7. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006. 400 с.
8. Краснова, О.В., Лидерс, А.Г. Психология старости и старения: хрестоматия: учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2003. 416 с.
9. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб, 2009. 156 с.
10. Никонова Э.И. Место и роль пожилых людей в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 76–81.
11. Петрова Т. А. Динамика отношения к старости у молодежи в процессе практики межпоколенного взаимодействия: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2008. 23 с.
12. Смирнова Т.В. Стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
13. Смолькин А.А. Социокультурная динамика отношения к старости : автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
14. Старчинова М.В. Адаптивные стратегии лиц пожилого и старческого возраста в контексте межпоколенного взаимодействия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. №2 (2). С. 127–130.
15. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М., 2012. 424 с.
16. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми : учеб. пособие, 2-е изд. М., 2003. 296 с.
17. Черепанова М.И. Специфика распространения суицидальных рисков среди населения пожилого и старческого возраста // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2 (78). № 1. С. 234–236.
18. Cheng S-T. Generativity in later life: Perceived respect from younger generations as a determinant of goal disengagement and psychological well-being // Journal of Gerontology: Psychological Sciences, 2009. 64B (1), P. 45–54/ doi:10.1093/geronb/gbn027
19. Hernandez C. R., Gonzalez M. Z. Effects of Intergenerational Interaction on Aging //

- Educational Gerontology. 2008. V. 34(4), P. 292-305.
20. Jesuino J. C. Images of old age // Papers on Social Representations. 2014, V. 23, P. 15.1-15. 22.
21. Kite, M.E., Johnson, B.T. Attitudes towards older and younger adults: A meta-analysis // Psychology and Aging. 1988. V. 3(3). P. 232-244.
22. Levy, B.R., Banaji, M.R. Implicit Ageism // Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. P. 49-75.

SOURCES

1. Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya [Ofits. sait] [The World Health Organization [Official website]]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2015/older-persons-day/ru/> (request date 25.01.2016).
2. Vsemirnaya Organizatsiya Zdravookhraneniya [Ofits. sait] [The World Health Organization [Official website]]. URL: http://www.who.int/ageing/about/fighting_stereotypes/ru/ (request date 25.01.2016).
3. Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [Ofits. sait] [The United Nations [Official website]]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (request date 25.01.2016).
4. Fond obshchestvennoe mnenie [Ofits. sait] [The Public Opinion Foundation [Official website]]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10868> (request date 25.01.2016).

REFERENCES

5. Antsyferova L.I. Razvitiye lichnosti i problemy gerontopsikhologii [Personality Development and Problems of Gerontological Psychology]. M., 2006. 512 p.
6. Glukhanyuk N.S., Gershkovich T.B. Psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya gotovnosti k stareniyu v protsesse zhiznennogo puti [Psychological Mechanisms of Forming Readiness to the Aging Process during Lifetime] Uchenye zapiski kafedry teoreticheskoi i eksperimental'noi psikhologii RGPPU [The Scientific Notes of the Department of Theoretical and Experimental Psychology RGPPU]. Ekaterinburg, 2006. pp. 425-446.
7. Emel'yanova T.P. Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [The Construction of Social Representations in the Conditions of Russian Society Transformation]. M., 2006. 400 p.
8. Krasnova O.V., Lidery A.G. Psikhologiya starosti i stareniya: khrestomatiya: ucheb. posobie dlya stud. psikhol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Psychology of Old Age and Aging: a Reader: Manual Textbook for Students of Psychol. Fac-s of High. Ed. Institutions]. M., 2003. 416 p.
9. Miklyaeva A.V. Vozrastnaya diskriminatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Age discrimination as a socio-psychological phenomenon]. SPb., 2009. 156 p.
10. Nikonova E.I. Mesto i rol' pozhilykh lyudei v sovremennom rossiiskom obshchestve [The Place and Role of Elderly People in Modern Russian Society] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2007. no. 3 (8). pp. 76-81.
11. Petrova T. A. Dinamika otnosheniya k starosti u molodezhi v protsesse praktiki mezhpokolenno go vzaimodeistviya: avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk [Dynamics of Young People's Attitude to the Old Age in the Practice of Intergeneration Interaction: abstr. of PhD thesis in Psychology]. SPb., 2008. 23 p.
12. Smirnova T.V. Stereotipnyi obraz i sotsial'naya distantsiya [Stereotypic Image and Social Distance] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. no. 8. pp. 49-55.
13. Smol'kin A.A. Sotsiokul'turnaya dinamika otnosheniya k starosti : avtoref. diss. ... kand. sotsiol. nauk [Socio-Cultural Dynamics of Attitudes towards Old Age : abstr. of PhD thesis

in Psychology]. Saratov, 2004. 20 p.

14. Starchikova M.V. Adaptivnye strategii lits pozhilogo i starcheskogo vozrasta v kontekste mezhpokolenного vzaimodeistviya [Adaptive Strategy of Persons of Elderly and Senile Age in the Context of Intergenerational Interaction] // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. no. 2 (2). pp. 127-130.
15. Khashchenko V.A. Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya [The Psychology of Economic Well-Being]. M., 2012. 424 p.
16. Kholostova E.I. Sotsial'naya rabota s pozhilymi lyud'mi : ucheb. posobie [Social work with older people : a manual textbook]. 2nd ed. M., 2003. 296 p.
17. Cherepanova M.I. Spetsifika rasprostraneniya suitsidal'nykh riskov sredi naseleniya pozhilogo i starcheskogo vozrasta [The specific distribution of suicide risk among the population of elderly and senile age] // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. no. 2 (78). Vol. 1. pp. 234-236.
18. Cheng S-T. Generativity in Later Life: Perceived Respect from Younger Generations as a Determinant of Goal Disengagement and Psychological Well-Being // Journal of Gerontology: Psychological Sciences, 2009. 64B (1), pp. 45-54/ doi:10.1093/geronb/gbn027
19. Hernandez C. R., Gonzalez M. Z. Effects of Intergenerational Interaction on Aging // Educational Gerontology. 2008. V. 34(4), pp. 292-305. doi:10.1080/03601270701883908
20. Jesuino J. C. Images of Old Age // Papers on Social Representations. 2014, V. 23, pp. 15.1-15. 22.
21. Kite, M.E., Johnson, B.T. Attitudes towards Older and Younger Adults: A Meta-Analysis // Psychology and Aging. 1988. V. 3(3). pp. 232-244.
22. Levy, B.R., Banaji, M.R. Implicit Ageism // Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons. Cambridge. MA: The MIT Press, 2002. pp. 49-75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинина Анна Александровна – аспирант кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета;
e-mail: anna.zinina.22@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zinina Anna A. – postgraduate student of the Department of Social and Ethnic Psychology, Moscow University for the Humanities;
e-mail: anna.zinina.22@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Зинина А.А. Готовность к возрастным изменениям как фактор конструирования социальных представлений о психологическом благополучии в старости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 1. С. 35-43.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-35-43

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Zinina. Readiness for age changes as a factor of constructing social representations about psychological wellbeing at an old age // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. no 1. Pp. 35-43.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-1-35-43